

С. Б. СОРОЧАН

ЕЩЕ РАЗ О МОНУМЕНТАЛЬНОМ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ В ЮЖНОМ РАЙОНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Большой архитектурный комплекс ранневизантийского времени общей площадью около 1600 кв. м располагался недалеко от Южных ворот города и потестарного, церковного комплекса на месте античного театра Херсонеса, примыкая вплотную к протяженной оборонительной куртине 13 и башне XII. Он был предметом исследований первых раскопщиков города, этого замечательного центра античной и византийской цивилизации на крымской земле, А. Л. Бертъе-Делагарда и К. К. Косцюшко-Валюжинича, затем продолжал доследоваться Н. В. Пятышевой и Л. В. Седиковой. История его раскопок и интерпретаций достаточно хорошо известна, и нет нужды еще раз останавливаться на ее деталях [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.670- 675; Сорочан, 2004, с.59 - 65; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.203 - 214; Сорочан, 2005, с.961 - 980; Сорочан, 2006, с.100 - 114; Зубарь, Седикова, 2008, с.636 - 669; Буйских, 2008, с.219 - 225]. Прделанные изыскания, анализ полученных материалов ныне позволили установить, что комплекс включал три основные части, объединенные общим планировочным контуром: 1) западную, представленную многоэтажным зданием, красиво отделанным разноцветным мрамором, фресками, с застекленными окнами и тремя обширными залами с цемянковыми полами на нижнем этаже; 2) центральную, в виде обширного водохранилища-цистерны вместимостью около 1500 куб. м воды; 3) восточную, представлявшую собой крытую галерею вдоль оконечности куртины 13 с тремя амбразурами для стрельбы из небольших баллист или катапульта, стрелометов, к которой примыкали несколько обширных помещений, в том числе выложенных каменными плитами с так называемыми “водостоками-ваннами” и отгороженных стеной с пилястрами. С комплексом-системой водосток был связан расположенный неподалеку большой общественный туалет афедрон, сооружение прямоугольной формы (около 15 x 6,5 м) на 30 мест, которое явно было рассчитано на подачу воды из выше расположенной водонакопительной цистерны и обслуживало оживленный район около Южных ворот, район, где перекрещивались две крупные улицы Херсона и находились ранневизантийские общественные здания, в том числе с рядами лавок, эргастириев. Этот оживленный перекресток вполне подходил под название “малая агора”, известная из Житий св. епископов Херсонских как ориентир для нача-

ла восточной части города: отсутствие на этом месте городской площади в более раннее время ни о чем не говорит, а к ранневизантийскому времени здесь, безусловно, находился центр пересечения продольной улицы шириной около 7 м и широкой поперечной улицы, которая, согласно раскопкам К.К. Косцюшко-Валюжинича, шла к Южным воротам [Сорочан, 2005, с.691 - 701, рис.185; ср.: Буйских, 2008, с.206 - 208]. Продольная улица, проходившая через большую и малую агору города, явно имела самые крупные размеры (от 5,5 до 7,5 м ширины) по сравнению с прочими улицами, и ее пересечение с отрезком довольно широкой поперечной улицы у Южных ворот ничем не нарушало унаследованную позднеримским и византийским обществом Гипподамову систему планировки. Представление А.В. Буйских о возможности расположения малой агоры в портовом районе, у гавани может быть воспринято скептически, поскольку застройка портовых кварталов 1 - 2, как показали многолетние раскопки, была очень плотной, а за оборонительными стенами, на самом берегу бухты, размещать агору было опасно. Херсонесский опсолопион – рынок рыбных продуктов, устроенный во II в. на северном берегу города, имел здесь площадь и характерные постройки, обнаруженные в ходе раскопок Г.Д. Белова, но и они находились в пределах города, в месте удобном для подвоза с моря [Кадеев, Сорочан, 1989, с.91; Херсонес, 2004, с.196 - 197].

Общая планировка и техника строительства южного комплекса говорит о его единстве и, видимо, близком времени сооружения всех его частей, включая куртину 13: они были выложены из крупных камней, квадров, на известковом и известково-цемянковом растворе с использованием кладки *opus mixtum*, которая применялась в Херсоне преимущественно в ранневизантийское время и только при сооружении общественных построек. Во всяком случае большинство таких памятников города и его округа, которые удастся датировать, относятся именно к этому времени, преимущественно к VI в., хотя гипотетически нельзя исключить существование и более ранних образцов, III - IV вв. Ни доказать, ни опровергнуть это пока невозможно.

Проведенные изыскания позволили отказаться от предположения, высказанного уже К.К. Косцюшко-Валюжиничем и поддержанного Н.В. Пятышевой, о том, что в западной части комплекса находилась средневековая баня. Не выдержала проверки временем и гипотеза Н. В. Пятышевой о том, что мы имеем дело с остатками резиденции первого стратига Херсона, протоспафария Петроны Каматира., а само сооружение существовало во второй половине IX - X вв. Ошибочным оказалось и предположение В.И. Кадеева, предложившего интерпретировать весь архитектурный ансамбль как херсонесский гимнасий или палестру с термами, портиком и бассейном первых веков н.э., хотя недавно эта идея с некоторыми поправками и с акцентом на термы была реанимирована А. В. Буйских [Буйских, 2008, с.221, 222, 223]. Датировка комплекса теперь выглядит по другому, но назначение сооружения остается все же не совсем ясным и в свете предложенных новых трактовок требует уточнений.

В связи с этим начнем с предистории участка. Уже Н. В. Пятышева обнаружила в 1958 и 1960 гг., что на месте западной оконечности масштабного архитектурного комплекса, с внутренней стороны куртины 13, находились грунтовые могилы с погребальным инвентарем, краснолаковыми кувшинами, мисками, светильниками II - III вв. Это указывает на то, что постройки появились на этом окраинном участке города не ранее III - IV вв., а до этого здесь находился загородный некрополь, исчезнувший, точнее, сместившийся к югу после того, как античную оборонительную стену разобрали и южнее ее, на расстоянии примерно 5 м, выстроили новую [см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.209 - 210; Зубарь, Седикова, 2008, с.638 - 640, рис.6, 10].

Раскопки Л. В. Седиковой крайнего, северного зала "терм" площадью около 100 кв. м (помещения I) показали, что на его месте первоначально находилась жилая усадьба, поскольку под цемянковым полом помещения в скале, на которую он был уложен, были сделаны искусственные подрубки, в том числе круглая яма диаметром около метра, очевидно, для установки пифоса [Седикова, 1999, л.9, рис.32]. В глинистом слое толщиной до полуметра, подстилающем цемянковый пол, оказались обломки краснолаковой посуды II - III вв., стекла, амфор, которые не выходят за пределы III - первой половины IV вв. и которые определяют, таким образом, *terminus post quem* вышележащего сооружения [Ковалевская, Седикова, 2005, с.76 - 84, рис.4-6]. Самыми поздними являются венчик и ножка позднесинопских амфор, бытовавших вплоть до первой половины IV в. [Седикова, 1999, л.9 - 11; ср.: Внуков, 1993, с.207, тип II а]. Уже поэтому можно утверждать, что западная часть нашего комплекса могла быть выстроена никак не ранее середины III - начала IV вв., а, скорее, позже: о начале здесь строительства не позднее второй половины III в. говорить не приходится, а после середины III в. можно, хотя это определение "после" вполне подходит и для V - VI вв. [ср.: Буйских, 2008, с.221, 223].

Далее, судя по однородной кладке стен комплекса и куртины 13, почти одновременно, с небольшим временным разрывом строятся оборонительная стена и западная часть комплекса в виде здания, три нижних помещения которого представляли собой обширные залы с мощными цемянковыми полами, причем крайний южный, самый большой (помещение III), площадью около 180 м², имел экседру или апсиду с большим сводчатым окном, обращенным на запад, и шестью пристенными подставками неясного назначения, высотой больше метра, сложенных из крупных кирпичей. Это не могли быть термы - три печи, расположенные с юга, в узком простенке вдоль куртины 13, явно служили лишь для обогрева помещений в холодное время года: здесь не было гипокауста, слоя гари, сажи, свойственных для подпольного пространства терм, не было обязательных в таком случае ванн, облицованных толстым слоем гидрофобной цемянки. Цемянкой никогда не облицовывали подпольное пространство гипокауста. А.В. Буйских предположила, что здесь были неоднократно перестроенные термы, и остатки кирпичных подставок вдоль

стены экседры – это следы подпорок пола помещения кальдария [Буйских, 2008, с.222- 223, 225]. Если это и так, остается необъяснимым, зачем строители при столь кардинальной переделке сооружения оставили эти шесть подставок вдоль стены, которые не были встроены и легко разбирались. По необъяснимой логике они тщательно удалили все подпорные столбы гипокауста, обязательные для такого сооружения ванны с водостойкой обмазкой, убрали сажу, даже малейшие следы горения, копоти, которые неминуемо должны были остаться на стенах подпольного пространства, сделали новый мощный цемянковый пол, но оставили единственную “улику”, указывающую на то, что раньше здесь были термы. В любом случае, если признать, что такое могло быть, в перестроенном виде в ранневизантийское время сооружение уже не было баней, с чем согласилась исследовательница. Внушительная толщина стен, державших перекрытия типа византийских камар, позволяет предположить, что западное здание было двух или даже трехэтажным, что тоже не увязывается с обликом известных херсонесских терм, всегда одноэтажных [ср.: Сорочан, 2005 а, с.196 - 211]. Эти высказанные мной соображения получили поддержку В.М. Зубаря и Л.В. Седиковой [Сорочан, 2005, с.965 - 968; Зубарь, Седикова, 2008, с.664].

Поддержана была и предложенная датировка комплекса временем близким к концу правления Юстиниана I и его ближайших преемников, когда в Херсоне и его окрестностях в Юго-Западной Таврике наблюдался своеобразный “строительный бум” как общественного, так и частного характера [Сорочан, 2005, с.963 - 965, 970; Зубарь, Седикова, 2008, с.656, 664]. Для таких соображений действительно есть веские основания.

Так стены архитектурного комплекса, к которому примыкало городское водохранилище, типичное *castellum aquae* – накопитель воды, специально расположенный в высокой точке города, были сложены из тесаных камней, залитых крепким раствором из известки, песка и толченой керамики, а местами строители прибегли к использованию популярной в ранневизантийском Херсоне кладки *opus mixtum*. Причем по своим параметрам эта кладка ближе всего напоминает аналогичную кладку здания предполагаемой апофики в портовом районе, которая надежно датируется самым началом VII в. Есть у нее значительное сходство и с кладкой ранневизантийской базилики № 28 на большой агоре, хотя размеры плитки несколько отличаются. У Уваровской базилики №23, октогональной баптистерия на северном берегу (№24) и Северной базилики №22, толщина прослойки известково-цемянкового раствора на пару сантиметров больше, но, как известно, их тоже соорудили не раньше конца VI – начала VII вв. Явно в очень близкое время вместе с рассматриваемым южным комплексом возводилась соседняя куртина 13, кладка *opus mixtum* которой имеет повсюду четыре ряда и слой раствора, который почти равен толщине кирпича или несколько превышает его. Судя по этому признаку, постройка выглядит доюстиниановской, V – начала VI вв. Вместе с тем визуально видно, что южная, торцовая сторона водохранилища пристраивалась

к этой одной из самых протяженных куртин Херсона почти одновременно с ней, точнее, вслед ей. Она имеет длину около 110 м, тогда как соседние куртины вдвое короче. Видимо, это объясняется наличием мощной, высотой до 5, 5 м подстенной засыпи, сnivelировавшей косогор, и устройством здесь *castellum aquae*, южная стена которого почти вдвое увеличила толщину куртины 13.

Как уже сказано, строительство было сопряжено с передвижкой всей оборонительной линии на этом участке. Прямоугольная башня XII предыдущего строительного периода, от которой уцелели остатки лестницы с северной стороны, была разобрана и перенесена к югу на несколько метров. К. Э. Гриневич верно заметил, что эта башня “чрезвычайно близка по размерам и кладке к башне XIV” и датировал ее “эпохой императора Феодосия или позже”, учитывая, что в засыпи башни XIV были найдены монеты Юстиниана I [Гриневич, 1959, с.85]. В целом, это совпадает с точкой зрения К.К. Косцюшко-Валюжинича, относившего время строительства прямоугольной башни XII и соседних куртин к “ранневизантийской эпохе” [Косцюшко-Валюжинич, 1905, с.106]. Но поскольку 13-я куртина сохранила с внутренней стороны обшивку плитами, она несомненно возводилась до устройства комплекса западных помещений с тремя залами, который поначалу не планировался, лишь несколько позже был пристроен к этой стене и закрыл ставшую ненужной обшивку [Извлечение, 1901, с.116, стена И]. Следует также учесть, что отрезок западной оборонительной стены у фланговой башни V, открытой в 1894 г., судя по характеру облицовочных камней, по способу их укладки и забутовки, нес следы строительной деятельности трех эпох: древнегреческой, римской и византийской, тем самым не отличаясь ничем от юго-восточного участка обороны у древнегреческих ворот. Здесь были такие же камни, обработанные рустом, и даже буквенные метки каменщиков, сделанные на облицовочных камнях, совпадали с такими же метками в куртине 16. Перестройку на западном, а значит, и на связанном с ним соседнем южном участке, Д.Н. Косцюшко-Валюжинич относил к I - II вв., отмечая новую кладку на извести [Косцюшко-Валюжинич, 1911, с.61 - 62]. Однако наблюдения за кладкой *opus mixtum* в 13 куртине позволяет сдвинуть эту дату к более позднему времени и видеть в ней следствие перестройки, передвижки оборонительной линии в VI в. Типично антично-ранневизантийская традиция крепления между собой некоторых известняковых плит куртины с помощью пиронов в виде “ласточкиного хвоста” не противоречит этому заключению [Зубарь, Седикова, 2008, с.648, 656, рис.20].

В силу своего расположения на возвышенной юго-западной части городища, вдоль линии водораздела плато Херсонесского мыса, сооружение являлось, наряду с теофаническим купольным мемориалом №47 перед Западными (Святыми) воротами, самой высокой доминантой города, видной издали. Уже первых раскопщиков поразило обилие остатков его богатой отделки, куски мрамора, возможно, от оконных наличников и дверных проемов, многочисленные обломки узких и тонких беломраморных карнизов, плиток, которыми, вероят-

но, были внутри облицованы стены, куски штукатурки с фресками, толстых, литых оконных стекол [Бертье-Делагард, 1893, с.37; Косцюшко-Валюжинич, 1905, с.113 - 119]¹. При этом К.К. Косцюшко-Валюжинич счел необходимым сделать очень важное для нас замечание, что подобные же узкие карнизы были найдены в 1901 г. при исследовании Уваровской базилики – кафоликона (№23) и баптистерия (№24), причем в последнем такой обломок еще сохранился на своем месте [Отчет, 1903, л.46]. Разумеется, такие карнизы использовали при отделочных работах в интерьерах общественных сооружений уже с первой половины II в. [Буйских, 2008, с.223], но для нас важно, что баптистерий при Уваровской базилике надежно датируется временем не ранее последней четверти VI в. и, следовательно, наша постройка у куртины 13 могла иметь хронологическую близость с сакральным кафедральным центром конца VI в. на северном берегу [подр. см.: Сорочан, 2005, с.761 - 787]. Монеты, в свое время обнаруженные К.К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках западной части архитектурного комплекса в южном районе, тоже не противоречат этим выводам². Более того, их почти полное отсутствие для периода после Юстиниана I косвенно может свидетельствовать в пользу того, что сооружение наиболее интенсивно эксплуатировалось именно в это время и тщательно убиралось.

Приведенные мной наблюдения были подкреплены В.М. Зубарем и Л.В. Седиковой, заметившими, что техника кладки стен водохранилища представляла собой хорошо обработанные известняковые квадраты на известково-цемянковом растворе (*opus quadratum*), которые зафиксированы в крепостном строительстве в западных куртинах 1, 3, почти на всем протяжении юго-восточного участка обороны Херсона, а также на городище Эски-Кермен, Сюйренском укреплении, Чуфут-Кале, Мангупе и относятся к тому времени, когда масштабное строительство, очевидно, связанное с возросшей опасностью со стороны тюрков, особенно активно велось во второй половине VI - начале VII вв. [Зубарь, Седикова, 2008, с.660, рис.35 - 36]. Можно добавить, что херсонская крепостная куртина 1, судя по результатам раскопок И.А. Антоновой, была возведена не ранее правления Юстиниана I, о чем свидетельствуют найденные при раскопках монеты этого императора и поздняя краснолаковая керамика со штампами на дне, тогда как соседствующая с куртиной Западная базилика №13 (известный из агиографии “дом Св. Леонтия”) вошла в монастырский комплекс, воздвигнутый не ранее второй половины VI в.

¹ Только в отчете за 1898 г. указаны 14 карнизов, 18 обломков мраморных плиток и 135 кусков оконных стекол [Раскопки, 1901, с.11; Извлечение, 1901, с.116].

² В 1898 г. при раскопках всех трех залов “терм” были найдены 4 монеты Херсонеса “периода подчинения римским императорам”, то есть II - III вв., 1 боспорская, более 130 монет поздне-римских и византийских императоров, но плохой сохранности, 3 монеты Юстиниана I, 13 - Василия I, 5 - Льва VI и Александра, 10 - Романа I, 1 - конца X в. и далее вплоть до Василия II и монет с “ро”, когда ранневизантийский комплекс уже не существовал и над его низко сложенными стенами был выстроен “целый квартал верхнего города” [Отчет 1898, л.10 - 11, 14].

[подр. см.: Сорочан, 2005, с.827 - 849]. Важно также отметить, что во время раскопок Н. В. Пятышевой западной части комплекса с городским водохранилищем, в большом количестве встречались обломки стеклянных рюмкообразных сосудов, а также ранневизантийской краснолаковой столовой штампованной керамики, в том числе с крестами, которая уверенно датируется VI - первой половиной VII вв. [Зубарь, Седикова, 2008, с.642, 643, рис.13].

Исходя из особенностей этого укрепленного комплекса, наличия в нем мощных плинфой площадок для установок баллист, важного в военном, стратегическом, оборонительном отношении обширного резервуара для воды, расположение в наиболее безопасной, возвышенной части городища, откуда открывался прекрасный обзор, привели В.М. Зубаря и Л.В. Седикову к выводу о том, что мы имеем дело, скорее всего, с остатками мощного военно-административного сооружения, назначение которого состояло в контроле за стратегическим объектом – городским водохранилищем, и которое обслуживалось отрядом баллистариев, известных из херсонских источников, относящихся к ранневизантийскому времени [Зубарь, Седикова, 2008, с.657 - 659, 663, рис.30 - 32]. В какой-то степени тут виден возврат к давней концепции Н. В. Пятышевой, поддержанной Н. М. Богдановой, о том, что комплекс представлял собой византийский преторий, только с поправкой на время его функционирования не в IX - XIII вв., как думалось раньше, а в VI - VII вв. [ср.: Богданова, 1991, с.150, прим.34]. Следует заметить, что преторий, где размещались римские власти города, действительно был в Херсоне, только находился он в “цитадели” на юго-восточной оконечности городища и дважды полностью перестраивался: сначала около середины IX в., а затем в самом конце IX - начале X вв. [Антонова, 1997, с.21; Антонова, 1997 а, с.14 - 18; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.537 - 539; Сорочан, 2004 а, с.200 - 205; Сорочан, 2004 б, с.108 - 121; Сорочан, 2005, с.997 - 1006; Сорочан, 2008, с.253 - 258; Сорочан, 2008 а, с.257 - 262; Сорочан, 2008 в, с.167 - 173]. И все же видеть в нашем монументальном архитектурном комплексе прежде всего ранневизантийский военно-административный объект вполне возможно. Более того, я, как и В.М. Зубарь и Л.В. Седикова, отмечал со ссылкой на “Тактику” Льва VI Мудрого, что такие вместительные городские цистерны предусматривались требованиями византийского военного дела, причем в случае осады города рядом с ними выставлялся вооруженный пост – вигла и раздача питьевой воды производилась соответствующей меркой с целью контроля и экономии [Leonis Imperatoris Tactica, 1863, р.904 А, 5 - 9, 14 - 16 (XV, 62; 65)]. Подобное требование на три столетия раньше отразил и “Старетегикон” Маврикия, в котором речь шла о сменных сторожевых постах, которые должны были бдительно нести службу у мест хранения воды [Das Strategikon, 1981, р.476. 71 - 75 (X, 3)]. Нужда обзавестись подобным водохранилищем могла стать особенно настоятельной в условиях тюркской угрозы, нависавшей над городом в последней трети VI в. и сопряженной с падением Боспора в 576 г. В условиях вполне реальной

длительной осады такое гидротехническое сооружение было бы жизненно необходимым. Оно входило в перечень важнейших объектов градостроительства любого благоустроенного ранневизантийского полиса наряду с рынками, торговыми рядами, портиками, эргасториями, без которых не мыслилось, по словам Прокопия Кесарийского, “великолепие”, “достоинство”, “богатство”, “благосостояние”, “благополучие”, более того – “гордость”, “счастье” и “блеск” города [Procorii, 1913, II. 10. 22, II. 11. 4, IV. 10. 21, V. 4. 17, V. 5. 7, VI. 6. 16, p.241, 254, 302, 318]. Византийский Херсон и тут не стал исключением.

Сооружение прежде всего было связано с системой водоснабжения, даже с его крыши по проложенным в стенах гончарным трубам стекала вода, отводившаяся в дренажные колодцы и по водосточным каналам, шедшим к востоку, к Южным городским воротам, где эта проточная вода заодно обслуживала большой афедрон, находившийся в связи с комплексом. Разумеется, такой укрепленный, стратегический объект должен был тщательно охраняться. Но только ли чиновники, ромейские власти и солдаты размещались здесь?

Многу была замечена совершенно необычная для этого места предельно высокая концентрация находок, которые могли иметь отношение как к отпавлению христианского культа, так и к лечению, медицине, врачебному обслуживанию. Так в самом обширном зале III в западной части комплекса почти по центру помещения находился разбитый на четыре части мраморный “бассейн” диаметром 1,25 м, высотой 0,53 м и 0,27 м толщиной стенок, весьма напоминавший круглую купель для обмываний, уместную не только в кальдарии терм, но и в больничном отделении [ср.: Буйских, 2008, с.223]. При всей ее тяжести, такую ванну можно было двигать. Здесь же, вдоль западной стороны залов I - III проходила улица или находилась площадь, где во время раскопок были найдены многие десятки “обломков донышек, ручек и горл от флакончиков, ножек от широких рюмок и кусков от плоских сосудов” [Отчет за 1898 год, л.11 - 12; Извлечение, 1898, с.116]. Такие рюмки и плоские подносообразные сосуды находили применение во врачебной практике, служили для приготовления, хранения, дачи больным лекарств, микстур и скопление их на одном участке именно в этом районе не объяснишь лишь вывалом мусора во время последующих нивелировочных работ, когда в X в., после прекращения существования комплекса в первой половине IX в., его запустения и разрушения, здесь стали строить новые жилые и хозяйственные постройки из бута на глине. В любом случае источник такого скопления должен был находиться совсем рядом и, скорее всего, связан с интересующим нас комплексом. Обращает также внимание совершенно необъяснимая, необычная для других мест Херсона, многочисленность находок ступок именно при раскопках залов того, что К.К. Косцюшко-Валюжинич посчитал термами (двух мраморных и трех обломков от каменных ступок) [Извлечение, 1898, с.118]. Такого скопления ступок не зафиксировано в Херсоне больше нигде. Между тем ступки были совершенно необходимым инструментом в фармакологии, врачебном деле.

Раскопки Л.В. Седиковой в 1999 г. уточнили конструкцию пола нижних помещений. Он был уложен на слой мелкого бута толщиной 10 - 15 см, а сверху залит прочным известково-цемянковым раствором, содержащим мелкий щебень. По словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, открывшим его, он был весьма прочным, гладким и даже блестел. Общая толщина пола достигала 20 - 25 см, масса цемянкового раствора составляла 12,1 кг / кв. см, а пропорциональный состав включал 70% извести, 30% хорошего песка и истолченной керамики [Седикова, 1996, л.6; Седикова, 1999, л.8 - 9; Sedikova, 2002, p.35]. Цемянковые покрытия прослеживаются в некоторых помещениях римской вексилляции в Балаклаве и в помещении II в. н.э., раскопанном в 1997 г. на месте "Южной площади" в цитадели Херсонеса [Савеля, Филиппенко, 1992, л.8 - 10; Антонова, Сорочан, 1997]. Ввиду близости морской воды, залитые цемянкой полы были в жилых и вспомогательных помещениях для монашествующих при мемории Св. Климента на островке в Казачьей бухте [Отчет, 1888 - 1890, л.28, 42, 44]. "Пол, залитый бетоном," отмечал К.К. Косцюшко-Валюжинич в апсиде средневекового четырехстолпного храма № 6 с правой стороны главной улицы Херсона, в квартале ХС1 [Раскопки, 1893, с.9]. Бетонный, цемянковый пол толщиной 9 - 10 см встречается и в некоторых ранневизантийских церквях и помещениях, к ним примыкающих [Хрушкова, 2002, с.218, 220]. В банях он был редкостью, поскольку на гипокауст обычно укладывали каменное или плинфовое перекрытие, упроченное цемянкой. Следовательно, прочная отделка пола объяснима в том случае, если он предусматривал большую пропускную способность помещений и не просто соприкосновение с влагой, а частое, регулярное, тщательное мытье, влажную уборку. Последнее вполне подходит не только для административных, культурных, но и для больничных помещений, хотя до сих пор не удалось археологически зафиксировать ни одного ранневизантийского больничного учреждения, даже из числа тех, что хорошо известны из письменных источников.

Весь монументальный и вместе с тем трехсоставной, замкнутый в квадратный контур южный архитектурный комплекс (общественное здание на западе с анфиладой помещений, громадная водонакопительная цистерна, галерея и помещения к востоку от водохранилища включая афедрон) прожил долгую жизнь. Стены, отделявшие залы западной части, несут следы двух строительных периодов. Во время второго, более позднего, разрушенные участки стен закладывали бутовой кладкой на грязевом растворе, что отличает эту кладку от более ранней, из хорошо обработанных с лицевой стороны камней-квадров на известково-цемянковом растворе и с использованием *opus mixtum* [Седикова, 1898, л.6]. В свое время я предположил, что западное здание с тремя большими залами было возведено после строительства новой куртины I3, но, видимо, несколько раньше водохранилища, на что указывает водосток в среднем помещении (II), куда сливалась вода из керамических труб, проведенных с крыши в стенах здания [Сорочан, 2005, с.970 - 971, рис.355;

Сорочан, 2006, с.109, рис.17 - 20]. После завершения сооружения резервуара цистерны, как уже сказано, строившегося в свою очередь вслед за прилегавшей куртиной, этот водосток потерял значение. Вертикальные керамические трубы в стене, удалявшие воду с крыши западного здания, были устроены с восточной стороны цистерны, вдоль которой был проложен водосток из каменных плит. Единственная сохранившаяся здесь труба в стене имеет меньший диаметр, чем переставшие функционировать водосливные трубы на западной стороне. Избыток воды теперь сливался через стенные водостоки с восточной стороны бассейна. Еще раз надо подчеркнуть, что о одновременности сооружения всего комплекса и примыкающего к нему участка оборонительных сооружений можно говорить относительно: они были построены в близкое время, но по частям и с последующими переделками. Так городское водохранилище тоже пережило ремонт, в результате которого за счет облицовки из хорошо обработанных квадров на известково-цемянковом растворе была увеличена толщина стен (до 2,0 - 2,3 м), а выходы сливных гончарных труб, проходивших вертикально в стенах водохранилища, оказались перекрыты новой облицовкой [Седикова, 1987, л.4]. Объяснение увеличению толщины стен бассейна можно искать в том, что близость соседних с ним зданий, особенно западного, многоэтажного, вызвала трещины как в стене западного здания, так и в облицовке гидросооружения, что потребовало их усиления.

Раскопки засыпи главной городской водосборной цистерны, продолженные с 1987 г. Л.В. Седиковой, позволили установить, что это сооружение, вода из которого поступала в городской водопровод через водозаборное отверстие, расположенное около низа восточной стены сооружения, перестало действовать ко второй четверти IX в., причиной чему, скорее всего, явилось прекращение поступления воды из прежних загородных дальних источников, то есть нарушение природной экологии и водного баланса, структуры водоносных слоев, что изредка случалось в Крыму и раньше [Седикова, 1994 а, с.238 - 240; Седикова, 1995, с.170 - 177; Сорочан, 2005, с.971, прим 1097; Зубарь, Седикова, 2008, с.656]. Некоторое время огромный бассейн стоял не засыпанным: падала штукатурка, начала рушиться верхняя кладка стен. На это указывают кучи мелкого песка на дне вдоль стен, выше которых лежали строительные остатки – бутовые камни, куски раствора [Седикова, 1987, л.5, 11; Седикова, 1988, л.3; Седикова, 1989, л.3; Седикова, 1993, л.1 - 2; Седикова, 1994, л.4]. Учитывая, что деталей кровли не было найдено, она, если таковая была над цистерной, оказалась разобрана херсонитами, дорожившими древесиной и деревянными строительными конструкциями. Пример такой разборки и уноса деревянных частей здания являет загородный храм Св. Созонта, очевидно, незадолго до начала осады Херсона войсками князя Владимира [Романчук, 1990, с.165 - 171].

Едва ли засыпь возникла за короткий срок. Она представляет собой четырехметровый мусорный завал с многочисленными линзами под углом 30°

к центру. Засыпка гигантской цистерны велась со всех сторон, но большая часть мусорного грунта высыпалась со стороны наиболее монументальной западной части комплекса, который, следовательно, тоже перестал существовать. Подавляющее большинство керамики (более 40%) из этого мусора относится к амфорам причерноморского типа и сосудам с росписью ангобом, подобным найденным в гончарной мастерской середины – второй половины IX в. у Радиогорки [Седикова, 1987, л.8; ср.: Седикова, 1994 б, с.434 - 440; Седикова, 1995 а, с.170 - 177; Седикова, 1997, с.11]. Однако отсутствие среди этих материалов такой массовой, характерной для второй половины IX - X вв. керамики как высокогорлые кувшины с плоскими ручками позволяет уверенно датировать засыпь до этого времени [Седикова, 1988, л.10]. В поздневизантийское время, не ранее конца X в., над остатками помещений монументального комплекса строятся жилые дома из бутовой кладки на земляном растворе.

Итак, если роль огромного *castellum aquae*, главного резервуара – резервного водонакопителя, важного для водоснабжения в жизни достаточно многолюдного города вполне понятна (его полное опорожнение через единственное сливное отверстие 30 x 30 см занимало больше 20 часов и этого запаса в случае осады жителям 6-тысячного города при экономном использовании хватило бы на много дней), то назначение загадочного общественного сооружения, примыкающего к водохранилищу с запада, но не сообщавшегося с ним, остается открытыми. Ясно, что это не термы. Ссылки на наличие аналогичных и даже очень близких типовых планировочных схем, характерных для комплексов бань, гимнасиев и общественных туалетов греко-римских городов первых веков н.э., могут быть приняты во внимание, но в нашем случае их нельзя считать решающим аргументом [Буйских, 2008, с.222 - 224]. Сооружение несомненно действовало в ранневизантийское время, да и иметь столь огромную цистерну лишь для обслуживания терм и слива афедрона, пусть и крупного, провинциальный Херсонес едва ли бы позволил себе. Лишь одна из открытых в нем терм имела поблизости крытую подземную цистерну вместимостью около 180 куб м., которая располагалась на большой агоре города и, видимо, обслуживала не только термы, но и общественные здания, палатии и храмы агоры [Сорочан, 2008 б, с.91 - 114]. В случае с нашим комплексом все строилось, видимо, с не менее многгранными задачами, даже если признать, что цистерну посчитали необходимым включить в этот комплекс из-за прекращения существования к IV в. большой водосборной цистерны, на месте которой в 60-70-е гг. VI в. недалеко от оконечности продольной улицы и Западных ворот был построен тетраконхиальный храм №47, очевидно, меморий Св. Капитона [Буйских, 2008, с.224; ср.: Сорочан, 2005, с.851 - 857].

Если это только военно-административный объект, то требуют объяснения столь многочисленные находки здесь ступок, стеклянных флаконов, плоских сосудов-подносов, поздних краснолаковых тарелок, мисок именно с крестами на дне, а также рюмкообразных сосудов, которые в ранневизантий-

кое время, преимущественно до конца VIII в., использовали как для питья или индивидуального причащения, так и в качестве светильников-ламп (ладикин) [подр. см.: Сорокина, 1963, с.134 - 171; Sorochan, 2002, p.113; Шапова, 2005, с.198 - 210]. Они неким образом сочетаются с довольно многочисленными предметами культового характера, связанными с литургией и церковным бытом, которые нельзя отнести только к наличию где-то поблизости церкви, храма или молельни. Очевидно, дело в том, что многое из обнаруженного в засыпи западной части комплекса и водохранилища, тоже имеет отношение к медицинской практике, к лечению, которое, как известно, сочеталось у римлян, с церковной обрядностью.

Уже в 1898 г. во время раскопок одного из залов здания К. К. Косцюшко-Валюжинич наткнулся на глиняную форму для рельефных оттисков евлогиев диаметром 9 см с врезной надписью вокруг помещенного в центре продолговатого креста с расширяющимися к концам перекрестиями и буквами “альфа” и “омега” по сторонам. С обеих сторон креста были изображены две фигуры в длинных одеяниях: слева – с воздетыми руками, в позе оранта, справа – с нимбом над удлинённой головой и жезлом с крестом наверху, а по бокам от них — маленькие кипарисы [Раскопки, 1901, с.10 - 11, рис.6; Древности, 1899, с.34 - 41, № 43; Латышев, 1899, с.349 - 352]. Вполне вероятно, “изображение... Креста Господня с предстоящими святыми можно объяснить тем, что крест, как известно, был символом мученичества [Древности, 1899, с.37]. В восстановлении В. В. Латышева надпись, которую он датировал V - VI вв., не позже VII в., выглядела следующим образом: [Eulog]ia tou a(g)iou kai end(o)x[ou m]jegal[o u mart]y(ro)s [Georgiou]. Это подтверждало предложенный символический смысл трактовки, однако восстановление имени “святого и славного великомученика” вызывает сомнение, поскольку кроме Георгия по количеству букв к пропавшей части кружка подходят и другие варианты. Настораживает также и изображение на евлогии этого типа сразу двух фигур.

Среди великомучеников известны только два с одинаковыми именами – военные святые, малоазийские великомученики Феодор Тирон (новобранец, рекрут) (сожжен на костре в малоазийской Амасии в 306 г., мощи перенесены в Евхаит, город в Понте, память в первое воскресенье поста, 17 февраля) и Феодор Стратилат (уроженец Евхаит, начальник гарнизона Гераклеи Вифинской, казнен в 319 г.; память 8 февраля), а на евлогии по сторонам креста были представлены именно двое святых. Это позволяет думать, что на данном типе евлогии остановились не случайно, здесь подразумевались сразу оба великомученика Феодора, поскольку они были совместимы и даже взаимозаменяемы. Св. Феодора, особенно Тирона, изображали в образе воина-пехотинца, чем подчеркивали его скромное положение, едва ли не бедность, и весьма почитали на Южном Понте и Боспоре, с которыми был особенно тесно связан ранневизантийский Херсон, а в средневековой Таврике во имя Св. Феодора было освящено немало храмов [ср.: Юрочкин, Туровский, 2001, с.111 - 112;

Цукерман, 2003, с.80, прим.36]. Впрочем, стоит учесть, что почитание Феодора Стратилата получило распространение позже, с IX в., тогда как память о Феодоре Тироне активизировалась раньше, к рубежу V - VI вв., когда в Амасии на предполагаемом месте казни великомученика была построена базилика Св. Феодора, а на сосуде типа фляги из боспорской Тиритаки было процарапано соответствующее посвящение [Гайдукевич, 1958, с.174, рис.28, б; Емец, 2002, с.83 - 84; Kazdan, 1991, p.1374]. Возможно, выразительный рисунок удлинённого бородатого мужского лица с нимбом и вертикальной надписью ЕФО, нанесенный черной краской на лекифообразном сосуде из плитовой могилы не ранее второй половины VI в. на северо-восточном склоне керченской горы Митридат, можно тоже интерпретировать как проявление культа все того же святого [Блаватский, 1985, с.27 - 28.]³. Изображение Св. Феодора присутствует на херсонских моливдулах, где он представлен, как и на евлогии, с неизменным атрибутом – крестом в правой руке [Соколова, 1983, с.162, №49; Алексеенко, 1998, с.718, №20; Алексеенко, 2001, с.48]. Этого же великомученика можно встретить на стеатитовых иконах, где каждый раз его лик, в отличие от лика Св. Георгия, отличала длинная, сужающаяся на клин борода, что придавало голове святого характерный удлинённый вид [Византийские стеатитовые иконы, №1, 10]. Причем композиция стеатитовой иконы XII в. с изображением Феодора Стратилата тоже включала двух святых воинов, обращенных с молитвой к Христу [Византийские стеатитовые иконы, №10]. Таким образом есть основания подозревать, что обитатели здешнего района с его уникальным для города архитектурным комплексом особо чтити Св. Феодора, а сам евлогий с его именем имел прямое отношение к интересующему нас загадочному объекту. Такой евлогий можно было носить при себе, прикрепить к стене жилья, эргастерия, церкви, молельни, кельи или к надгробию, удобно использовать в качестве переносной иконы.

Подобные находки служат своеобразными индикаторами близости соответствующих харитарных учреждений, странноприимных домов, больниц или храмов, выдававших их. К примеру, находки керамического штампа и ототиска евлогиев птохиона Св. Фоки Навта в портовых кварталах 1 и 2 Херсона указывают на наиболее вероятное месторасположение этого приюта для бездомных и госпиталя для бедных, администрация которого организовывала также раздачу нищим [подр. см.: Сорочан, 2005, с.951 - 955]. Не случайно здесь, недалеко от берега Карантинной бухты, оказались обнаружены в 1892 - 1896 и 1902 - 1904 гг. остатки общественного здания с кладкой *opus mixtum*, много культовых вещей, церковных древностей, а также стеклянных и бронзовых разновесов, эксагиев, в том числе эталонных, официальных, с изображением храма и фрагментов неравноплечных весов кампанов, что может быть связано с особыми, специфическими ин-

³ О датировке ранних плитовых могил на Боспоре см.: Айбабин, 1993, с.128.

тересами и делами постояльцев птохиона, в массе своей, видимо, приезжих, торговцев, моряков.

В засыпи водохранилища, образовавшейся преимущественно из материалов разрушенного комплекса, тоже были специфические находки: четыре обломка простых гончарных тарелочек с соответствующими сакральными надписями, нанесенными до обжига; два обломка от крупной, глубокой миски диаметром 0,40 - 0,45 м, орнаментированной ангобом и налепами, с круговой надписью по сырой глине, призывавшей Бога, Богородицу или опять таки Св. Феодора и именем Константина монаха (+Theo[...][Kon]stantinou); горшочек со словами псалма на стенке, еще один для сбора пожертвований, причем, вероятно, для больных лепрой; бронзовые подвески для лампад, глиняные курильницы, крышка от сосуда с крестами, шесть штампов для изготовления евхаристического хлеба и керамическая поминальная просфорка с надписью “Феодора, аминь” (Theood(o)rou ame(n) [Седикова, 1994, л.9; Седикова, 1995 б, л.7; Седикова, Сидоренко, 1996, с.106 - 110, рис.1 - 7; Романчук, Соломоник, 1987, с.98 - 99, №6, рис.2, 6 (издатели надписи необоснованно сочли ее относящейся к Константину Великому (megistou), хотя буквой “ми” было принято обозначать слово monachos); ср.: Гинькут, Алексеенко, 2003, с.67 - 71, рис.1]. Не исключено, что тарелочки с культовыми надписями, как и стеклянные подносообразные сосуды служили для приготовления лекарств, а тазообразная большая чаша, предназначенная Константину монаху, возможно, фельдшеру или флевотому, вполне годилась для операций по кровопусканию, чем и объясним выполненный на ней invocативный призыв небесной помощи. Вкупе с другими находками такую интерпретацию, при всей ее гипотетичности, нельзя отнести лишь к плоду игры “воображения исследователя”: вещи вполне реальны и, самое главное, имеют одну направленность, которую невозможно не почувствовать [ср.: Хрушкова, 2009, с.107].

К этому же кругу относится найденный по соседству в слое с материалами V - VIII вв. обломок керамической крышки диаметром 8,4 см, сохранившейся толщины 1,1 - 1,2 см, на которой читается рельефно оттиснутая по периметру часть надписи, заканчивающаяся словом “ладан” (libanos) в генетиве [Романчук, Соломоник, 1987, с.97, №3, рис.1,3]. Центр крышки был украшен изображением креста с трилистниками характерной яйцевидно-ланцетной формы в углах, напоминающей листья мирта. Издатели надписи сочли ее относящейся к некому Ливану, просящему помощи Господа ([Kuris boethe]i Libanou). Однако с не меньшим основанием можно предположить, что крышка предназначалась для сосуда, вмещавшего некие благовонные ингредиенты, эфирные масла, ароматические смолы, лекарства и в этом случае недостающая часть надписи могла читаться как указание на содержимое: [(pros) smyrnes ka]i libanou – “(для смирны) и ладана”. Следует учесть, что эти ценные вещества, миро, получаемое из мирта обыкновенного (*Myrtus communis*), и ладан (ливан), ромеи использовали не только в литургических или парфюмерных целях,

но и как составляющие лекарств антисептического и ранозаживляющего содержания, как вещества, которым приписывали апотропеическое действие, способность отгонять демонов [Кунцлер, 2001, с.203 - 204]. Был известен ладан нескольких сортов – белый, происходивший с палестинской горы Ливан, черный, который собирали в малоазийской Ликии, и кипрский [см.: Хожделение, 1997, с.31, 33, 99]. Какой-то из них был в нашей керамической пиксиде

Столь массовое количество таких весьма показательных, характерных находок в одном месте, на сравнительно небольшом участке, большая редкость для византийского Херсона. Это обстоятельство невозможно оставить без внимания или списать на одну лишь случайность многократно переотложенных материалов, попадавших в засыпи. Оно же позволяет не отказываться от высказанного мной предположения о существовании на месте помещений, примыкающих с запада к глухой, очень широкой стене водохранилища, ранневизантийской общественной больницы, которая находилась действительно при военно-административном комплексе, вероятно, входила в его состав и могла, как и сам комплекс, пользоваться небесным покровительством святого великомученика Феодора, воина и защитника, даже носить его имя⁴. Крест, как и жест молитвы, изображенные на евлогии, найденном при раскопках залов I - III, несли теургическую силу и подчеркивали силу заступничества, способную уничтожить любые враждебные силы, будь то военные враги или демоны хворей [см.: Ковальчук, 2002, с.238]. В связи с этим примечательно, что оба Феодора, Тирон и Стратилат, имели как военную, так и антидемоническую и целительную функции, вполне подходившие и для военно-административного объекта, и для общественной лечебницы [Алексеев, 2001, с.51]. Судя по внушительным размерам комплекса, замкнутого в практически квадратный контур, в свою очередь включенный в планировочную структуру Херсона, в нем было достаточно места не только для военной администрации, поста солдат, но и для устройства больницы, способной принять до двух десятков больных и иметь, как это было принято, несколько отделений, в том числе хирургическое. Исходя из ромейской практики, такому заведению полагалось иметь четырех врачей, шесть штатных и четырех сверхштатных помощника, а также четырех служителей [ср.: Каждан, 2002, с.146].

Подобные сооружения, чаще всего устраиваемые при церквях, храмах, либо обязательно имевшие часовню, молельню, были известны в ромейских городах, где их называли ятрина, иеранос или просто ксенон (*iatriana, ieranosos, xenon*) [Шандровская, 2002, с.47; Сорочан, 2001, с.252 (там же литература

⁴ Наличие одноименных храма, точнее, небольшого монастырского храмового комплекса, локализуемого в углу между куртинами 17 и 18 [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.78], и военно-административного комплекса с лечебницей и молельней у южной оборонительной стены, не должно рассматривать как противоречащее одно другому, поскольку это были разные по характеру общественные сооружения, к тому же не совпадавшие хронологически.

вопроса)]. По сути дела, они действительно представляли вариант ксенодохиона – приюта, в котором помещали и лечили занедуживших, тяжело больных, нуждавшихся в операции. Как и в случае с обычными странноприимными домами, о снабжении таких заведений всем необходимым проявляло заботу то лицо, которое само лично или через кого-либо основывало благотворительное учреждение. К примеру, византийским императорам случалось делать взносы-пожертвования опосредственно. В остальных случаях больницы и подобные им приюты попадали в ведение общественных организаторов харитарной деятельности – соответствующих церковных и казенных ведомств [Сорочан, 2001, с.255 сл.]. Нередко в них трудились иноки, подобные херсонскому Константину монаху, составлявшие лекарства, занимавшиеся кровопусканием и ухаживавшие за больными.

Достижения византийской медицины, ятрософистов – “ученых врачей” (iatrosophistes), “мудрецов врачебной профессии” (sophistes tes iatrikes epistemes), по выражению Феофилакта Симокатты, “людей, испытанных в искусстве Харона и Махааона” [Феофилакт, 1996, с.176 (VI. 11. 7); Theophanis, 1883, p.382; Georgii, 1904, p.145. 2; 182. 8; см.: Рудаков, 1917, с.93; Культура, 1989, с.322 - 330], воплощались в медицинских, фармакологических инструментах, среди которых были то и дело встречаемые в ходе раскопок ромейских городов каменные, мраморные и бронзовые ступы для растирания ингредиентов лекарств, мерные сосуды и склянки для изготовления, хранения и приема лекарств, тарелки с христианской символикой, надписями, ложечки, терочники, дощечки из порфира, ножи - скальпели, зонды, пинцеты [см.: Miller, 1985; Kislinger, 1986 - 1988, S.7 - 16]. Часть того, что было обнаружено при раскопках военно-административного, общественного комплекса около большой водосборной цистерны Херсона, недалеко от главной продольной улицы, общественного афедрона, Южных ворот и, вероятно, малой агоры города, тоже может иметь прямое отношение к этой врачебной деятельности.

Возражение, что такое расположение больницы рядом с хранилищем водных запасов было бы “антисанитарно”, несовместимо с требованиями гигиены [Зубарь, Седикова, 2008, с.663], несостоятельно по причине того, что представления об инфекции, патогенных микроорганизмах, гигиенических нормах, требования стерильности, асептики, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мер не были присущи ни греко-римскому, ни византийскому обществу и не осознавались вплоть до нового времени: известный трактат прославленного римского врача Галена “О гигиене” исходил из гуморальной теории происхождения болезней, касался, скорее, вопросов нормальной пищи, питья, сна [Horden, 2008] и лишь в первой трети XI в. далеко на Востоке, в Средней Азии, уникальный для своего времени ученый энциклопедист, экспериментатор, практикующий врач Абу-Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах Ибн Сина (980 - 1037) в четвертой книге своей фундаментальной медицинской энциклопедии “Канон врачебной науки” (Китаб-ал-Канун фи-т-Тибб) выдвинул гипотезу о невидимых

глазом возбудителях лихорадочных (инфекционных) заболеваний, передающихся не только посредством воды, но и через почву и воздух [Ибн Сина, 1954; Ибн Сина, 1957, с.25; Кары-Ниязов, 1958, с.32; Вороновский, 1958, с.63; Сагадеев, 1985, с.26]. Слухи об этом, как и о самом сочинении Ибн Сины, проникли в Европу, по-видимому, не раньше времен крестовых походов, а первый перевод “Канона” совершил Герард из Кремоны в 1179 г. [Вороновский, 1958, с.65; Шидфар, 1981, с.182]. Спустя три столетия, в XVI в., Джироламо Франкасторо обосновал учение о контагии – заразности и контагиозных болезнях, но истинная природа инфекционных болезней была раскрыта вообще в XIX в. в связи с успехами бактериологии, достижениями микробиологии и иммунологии и тогда же стали осуществлять мероприятия по охране поверхностных вод и источников [подр. см.: Давыдовский, 1956; Санитарное просвещение, 1965; Бароян, 1971]. Поэтому такие, кажущиеся ныне элементарными, соображения не могли смущать умы ромейских строителей архитектурного комплекса и его пользователей, на протяжении более двух столетий интенсивно эксплуатировавших просторный сложносоставной объект (военно-административный, водоснабжающий, культовый и лечебный). В любом случае мы имеем дело с редкостным сооружением, не знающим полных аналогов среди известных византийских памятников всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбаши А.И.* Могильники VIII - начала X в. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып.3.
- Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики X - XI вв. // МАИЭТ. 1998. Т.6.
- Алексеевко Н.А.* Христианские сюжеты на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.
- Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. ст. Симферополь, 1997.
- Антонова И.А.* Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989 - 1993 гг.) // X. сб. 1997 а, Вып.8.
- Антонова И.А., Сорочан С.Б.* Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса на участке “Цитадель”, 1997 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3351 / I - II.
- Бароян О.В.* Судьба конвенционных болезней. М., 1971.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12.
- Блаватский В.Д.* Сосуд с надписью ЕФО // Античная история и археология. М., 1985.
- Богданова Н.М.* Херсон в X - XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Буйских А.Б.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып.5. Симферополь, 2008.
- Византийские стетативные иконы.* Буклет / Т. Яшаева. Серия “Херсонесская экспозиция”.
- Внуков С.Ю.* Новые типы позднесинопской амфорной тары // РА. 1993. № 3.

- Вороновский Д. Г.* Канон медицинских знаний Ибн Сины // Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилея Ибн Сины. Ташкент, 1958.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946 - 1952 гг. // МИА. М.: Л., 1958. №85.
- Гишкун Н. В., Алексеевко Н. А.* Чаша с инвокативным обращением из раскопок Херсонеса // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003.
- Гришневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч.3: Южная и Западная линия обороны // Х. сб. 1959. Вып.5.
- Давыдовский И. В.* Учение об инфекции. М., 1956
- Древности Южной России.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895 - 1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева // МАР. СПб., 1899. № 23.
- Емец И. А.* Посвящение св. Феодору из Тиритаки // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Зубарь В. М., Седикова Л. В.* История археологических исследований и некоторые итоги изучения южного района Херсонеса-Херсона // СС. 2008. Вып.3.
- Ибн Сина.* Канон. Ташкент, 1954. Т.1 - 2
- Ибн Сина.* Даниш-намэ. Сталинабад, 1957.
- Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г.* К.К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
- Кадеев В. И., Сорочин С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.
- Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
- Кары-Ниязов Т. Н.* Великий ученый и мыслитель // Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилея Ибн Сины. Ташкент, 1958.
- Ковалевская Л. А., Седикова Л. В.* К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. 2005. Вып.11.
- Ковальчук Н. Д.* К вопросу о литургическом устройстве храма (на примере Святой Софии Киевской) // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. 1905. Вып.16.
- Косцюшко-Валюжинич Д. Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. 1911. №45.
- Культура Византии: вторая половина VII - XII в.* М., 1989.
- Куцлер М.* Літургія Церкви. Львів, 2001.
- Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1899. Т.6.
- Отчет о раскопках в Херсонесе. 1888 - 1890 годы* // Архив НЗХТ. Д. №1.
- Отчет за 1898 год* // Архив НЗХТ. Д. № 7.
- Отчет за 1903 год* // Архив НЗХТ. Д. № 12.
- Раскопки в Таврической губернии 1) в Херсонесе* // ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
- Раскопки в Херсонесе Таврическом* // ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
- Романчук А. И.* Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т.51.
- Романчук А. И., Соломонок Э. И.* Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т.48.
- Рудаков А. П.* Черки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917.
- Савель О. Я., Филитенко А. А.* Раскопки в Кадыковке / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3123.
- Сагадеев А. В.* Ибн Сина (Авиценна). М., 1985.
- Санитарное просвещение.* М., 1965.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке "водохранилища" в Херсонесе в 1987 году // Архив НЗХТ. Д. № 2758.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке древнего водохранилища Херсонеса в 1988 году // Архив НЗХТ. Д. № 2857.

- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1989 году // Архив НЗХТ. Д. № 2900.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив НЗХТ. Д. № 3151.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1994 году // Архив НЗХТ. Д. №3216. Л.4.
- Седикова Л. В.* Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994 а
- Седикова Л. В.* Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994 б. Вып.4.
- Седикова Л. В.* Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. №2.
- Седикова Л. В.* Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995 а. №2.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1995 (б) году // Архив НЗХТ. Д. № 3251 / 1.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1996 году // Архив НЗХТ. Д. № 3301.
- Седикова Л. В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук / ИА РАН. М., 1997.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1998 году // Архив НЗХТ. Д. № 3392.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 году // Архив НЗХТ. Д. №3434.
- Седикова Л. В., Сидоренко В. А.* Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып.5.
- Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.
- Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Сорочан С. Б.* Византия IV - IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 2001.
- Сорочан С. Б.* Больница в ранневизантийском Херсоне // Древности 2004. Харьков, 2004.
- Сорочан С. Б.* Об архитектурном комплексе византийского претория в Херсоне // Россия - Крым - Балканы: диалог культур. Науч. докл. международ. конф. (Севастополь, 6 - 10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004 а.
- Сорочан С. Б.* Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2004 б. Вып.35.
- Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч.2.
- Сорочан С. Б.* Бани византийского Херсона (VI - X вв.) // Древности 2005. Харьков, 2005 а.
- Сорочан С. Б.* Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском Херсоне // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006.
- Сорочан С. Б.* О предварительных результатах исследования ранневизантийского претория в "цитадели" Херсонеса // Кондаковские чтения - 2. Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы Международной науч. конф. Белгород, 2008.
- Сорочан С. Б.* О византийских преториях в "цитадели" Херсона // IX Боспорские чтения "Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria". Керчь, 2008 а.
- Сорочан С. Б.* Об алтаре византийского Херсона, ее церквах и палатиях // БИАС. 2008 б. Вып.3
- Сорочан С. Б.* Византийский преторий IX в. в "цитадели" Херсона // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир, 2008 в.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес - Херсон - Корсунь. К., 2003.
- Феофилакт Симокатта / Пер. С.П. Кондратьева. История. М., 1996.
- Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. - VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, пер., коммент Г.М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. М., 1997. Т.4: XII в.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV - VII века). М., 2002.
- Хрушкова Л.Г. [Рец.] // Археология. 2009. №2 (С.Б. Сорочан. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.)). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч.1 - 2. 1644 с.).
- Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. 2003. №1.
- Шандровская В.С. Благотворительные учреждения в Византии по данным печатей // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002.
- Шидфар Б.Я. Ибн Сина. М., 1981.
- Щапова Ю.Л. Стекланные потиры: археологический аспект истории священных сосудов // ВВ. 2005. Т.64 (89).
- Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я. Лекифы с ликами святых из Северного Причерноморья (к вопросу идентификации образов) // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001.
- Georgii monachi chronicon* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904. Vol. I.
- Das Strategikon des Maurikios* / Ed. G. Dennis, Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981.
- Horden P. Hospitals and Healing from Antiquity to the Later Middle Ages. London, 2008.
- Kazdan A.A. Military Saints // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol.2.
- Kislinger E. Xenon und Nosokomeion – Hospitäl in Byzanz // *Historia Hospitalium*. 1986 - 1988. T.17.
- Leonis Imperatoris Tactica, sive de re militari liber* (Ta en polemois taktika) // PG. 1863. T.107.
- Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore; London, 1985
- Procopii Caesariensis Opera omnia* / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1913. Vol.3. Pars 2.
- Sedikova L. Conservation of the Cistern Complex of Chersonesos // The Study of Ancient Territories. Chersonesos. Metaponto. 2002 Annual Report. Institute of Classical Archaeology the University of Texas. Austin, 2002.
- Sorochan S. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. Oxford, 2002.
- Theophanis Chronographia ex rec.* C. de Boor. Bonnae, 1883. Vol. I.

С.Б. Сорочан

ЩЕ РАЗ ПРО МОНУМЕНТАЛЬНИЙ АРХІТЕКТУРНИЙ КОМПЛЕКС В ПІВДЕННОМУ РАЙОНІ ВІЗАНТІЙСЬКОГО ХЕРСОНУ

Резюме

В статті розглядається великий архітектурний комплекс біля Південних воріт міста та куртини 13. Він складався з трьох частин західного багатопверхового будинку, в якому могла розташовуватися візантійська адміністрація Херсону та військовий загін; водозбірної цистерни (*castellum aquae*); східного комплексу приміщень з галереєю для баліст. Всі три частини монументального комплексу були споруджені майже одночасно не пізніше другої половини VI ст. і проіснували до початку IX ст. Багаточисельні знахідки предметів, які могли мати відношення до християнського культу та лікування, вказують, що до комплексу входила лікарня (ятрина), яка, можливо, мала назву Св. Феодора.

С.Б. Сорочан

ЕЩЕ РАЗ О МОНУМЕНТАЛЬНОМ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ
В ЮЖНОМ РАЙОНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Резюме

В статье рассматривается крупный архитектурный комплекс около Южных ворот города и куртины 13. Он состоял из трех частей – западного многоэтажного здания, в котором могла размещаться византийская администрация Херсона и военный отряд; водосборной цистерны (*castellum aquae*); восточного комплекса помещений с галереей для метательных машин. Все три части монументального комплекса были возведены почти одновременно не позже второй половины VI в. и просуществовали до начала IX в. Многочисленные находки предметов, которые могут иметь отношение к христианскому культу и лечению, указывают, что в комплекс входила больница (*yatrina*), возможно, носившая имя Св. Феодора.

S.B. Sorochan

AGAIN ON THE MONUMENTAL ARCHITECTURAL COMPLEX
IN THE SOUTHERN REGION OF BYZANTINE CHERSON

Summary

The article deals with a large architectural complex near the southern gate of the city and the curtain 13. It consisted of three parts – the western high-rise building in which the Byzantine administration of Cherson and the military unit could be located, the catchment tanks (*castellum aquae*), and the eastern complex space with a gallery for the catapults. All three parts of the monumental complex were built almost at the same time, not later than the second half of the 6th century. Numerous finds of the objects that may be relevant to the Christian cult and treatment, indicate that the complex included a hospital (*yatrina*), possibly bearing the name of St. Theodore.